

УДК 81-119

Н. И. Зубов,

доктор филологических наук,

профессор кафедры теории и практики перевода

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,

Французский бульвар, 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,

zubov_nik@te.net.ua

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРПЕНКО И ЕГО КАФЕДРА ОБЩЕГО И СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Статья посвящена некоторым аспектам истории кафедры общего и славянского языкознания ОНУ имени И. И. Мечникова. Представлен короткий очерк научно-педагогической деятельности её основателя и руководителя члена-корреспондента НАН Украины, проф. Ю. А. Карпенко и его соратников и сотрудников.

Ключевые слова: кафедра общего и славянского языкознания, ОНУ имени И. И. Мечникова, Одесская ономастическая школа, славистика, история языкознания.

Университетские кафедры, как и люди, имеют свои судьбы, и эти судьбы нерасторжимо переплетаются с жизнью тех, кто здесь работал и работает. В сентябре 1973 года меня, студента-первокурсника филологического факультета Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова (бывшего Новороссийского и сейчас национального) кафедра общего и славянского языкознания привлекла своим названием сразу же. Тогда и подуматься не могло, что станет

кафедра знаковой для меня и что когда-то и мне выпадет честь заведовать ею в течение без малого 16 лет. Этот опыт позволяет мне предложить вниманию читателя мемуарные заметки, в которых, не претендуя ни на полноту фактов, ни на полноту объективности, скажу только то, что более всего мне дорого.

Тогда в сентябре мы, первокурсники, узнали, что сформирована кафедра была в 1968 г. в связи с переездом в Одессу из Черновицкого университета молодого и очень талантливого доктора филологических наук Ю. А. Карпенко (1929–2009). В первый эшелон кафедральной команды во главе с проф. Ю. А. Карпенко вошли доценты К. Е. Гагкаев, Н. В. Павлюк, Н. Г. Рядченко, А. К. Смольская, ст. преподаватель Т. Т. Бевзенко. Уже к 10-летию юбилею кафедра вполне обрела прочный научный фундамент в виде Одесской ономастической школы, возглавляемой Ю. А. Карпенко. Состав кафедры тогда активно пополнялся вторым эшелонам её новых членов, а также целым рядом аспирантов и соискателей. Среди них посчастливилось стать и мне.

К тому времени Н. В. Павлюк, будучи талантливым историком славянских языков и имея иные научные приоритеты, давно ушёл на заведование соседней кафедрой русского языка. Нам выпала удача слушать у него курс исторической грамматики. Помнится, почти каждую лекцию он начинал какой-либо лингвистической задачей и с удовольствием, с интригующей улыбкой постепенно выводил нас на верное решение, оставляя озарение маленького открытия. А ещё запомнился он изысканной одесской интеллигентностью, старомодной манерой приподнимать шляпу в приветствии на улице, абсолютной доброжелательностью и всегда внимательным умным взглядом.

Так же и Т. Т. Бевзенко вскоре после защиты кандидатской диссертации перешла на кафедру украинского языка, которую возглавлял её муж проф. С. Ф. Бевзенко, известный историк украинского языка и диалектолог. Она прекрасно знала польский язык, была красивой, яркой женщиной, контактной, доброй, матерински участливой в отношении к студентам. На празднованиях дня факультета во время традиционной пресс-конференции, когда студенты могли задавать преподавателям разные каверзные и весёлые вопросы, одним из коронных был вопрос к Степану Филипповичу: „Как Вы объяснялись в любви своей будущей жене?” А он, инвалид Великой Отечественной войны, которому трудно было ходить после тяжелейшего ранения, отвечал застывшей до звона, наперёд знавшей ответ аудитории: „Без слов!” И девичий зал взрывался ликованием!

Впрочем, подобные впечатления и воспоминания накопятся и будут приходить потом, а пока что это был сентябрь 1973 года и корпус филологического факультета в центре Одессы по переулку Маяковского 7. Тот корпус и маленький одесский дворик с двумя старыми огромными платанами ностальгически памятни каждому из тех лет. Кафедра общего и славянского языкознания предстала перед нами, первокурсникам-русистам, в лице двух доцентов – Н. Г. Рядченко и А. К. Смольской. За Нинелью Григорьевной стоял ореол её работы в Англии и на Кубе, где она преподавала русский язык как иностранный и, конечно же, ореол славы её мужа – известного одесского поэта Ивана Рядченко. В выборе языковедческой специализации не последнюю роль для поколений студентов сыграли её лекции по введению в языкознание, которые она читала очень доходчиво и увлекательно. Она многое давала нам сверх программы, от неё мы узнали о тогда недавно оставившем филологический факультет Одесского университета алма-атинском этнолингвисте М. М. Копыленко, а также о другом большом языкеводе, уехавшим из Одессы в Минск, – В. В. Мартынове. Сегодня с позиции прошедших десятилетий совершенно очевидно, что это и тогда были крупные учёные, создавшие мировую научную славу своим новым вузам и своим теперь уже отдельным странам.

Помнится, с каким пиететом рассказывала нам Н. Г. Рядченко о Константине Егоровиче Гагкаеве (его родное осетинское имя было Казан) – личности масштабной, колоритной, с кавказским темпераментом и амбициозной, человеком, состоявшим в научной переписке со многими западными учёными, в том числе, например, с самим Э. Бенвенистом.

Творческий путь К. Е. Гагкаева был извилист: сын пастуха-горца 20-летний выпускник северокавказского Горского педагогического института на в 1932 г. становится аспирантом Научно-исследовательского института языкознания в Москве, потом аспирантом Ленинградского научно-исследовательского института языкознания. Там он работает под руководством известнейшего тогда проф. А. А. Фреймана и не менее известного впоследствии академика В. И. Абаева, посещает лекции ак. Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова. Защищённая здесь же в 1935 г. кандидатская диссертация „Синтаксис осетинских падежей” делает молодого исследователя заметным кавказоведом. Потом были опять Северный Кавказ, опять Москва, изучение французского языка, дипломатическая работа, Институт языка и письменности АН СССР.

Позже – журналистская работа в газетах „Красный флот” и „Правда”, Ленинградский и Белорусский фронты во время Великой Отечественной войны. А ещё оставленная послевоенная докторантура в Институте этнографии, Самаркандский университет, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, заведование кафедрами, Одесский государственный университет и Одесский государственный педагогический институт иностранных языков (влившийся потом в виде факультета РГФ в Одесский госуниверситет), работа над грамматикой осетинского языка, над „Русско-осетинским словарём”, исследования в области истории языкознания и общего языкознания. Докторскую диссертацию „Основные этапы развития науки о языке” он защитил в 1973 г. в Ереване, звание профессора по кафедре общего и славянского языкознания получил в Одесса в 1974 г. В 1980 г. вернулся на работу во Владикавказ, где ушёл из жизни в сентябре 1986 г. Кавказские коллеги свято чтут память своего земляка.

У нас К. Е. Гагкаев читал общее языкознание на 5 курсе, читал иногда довольно сумбурно, эмоционально, ругательски ругал Бенедетто Кроче, Фосслера, неолингвистов, глоссематиков, менталистов с бихевиористами и прочая и прочая. Но при этом как-то так, между прочим, в итоге представляла целостная картина идей западной лингвистики. Мне самому не раз и не два приходилось убеждаться в эрудиции этого человека и понимать уже задним числом, что за услышанными в студенческие времена репликами, подсказками, замечаниями Константина Егоровича была скрыта его фундаментальная подготовка.

Всё же по-особому впечатлила Аделаида Константиновна Смольская. Первая лекция по старославянскому языку помнится как вчера: таблицы знакомо-неузнаваемой кириллицы и таинственной в начертаниях глаголицы, ломающие наши атеистические стереотипы изображения икон Кирилла и Мефодия, Хазарская миссия Константина Кирилла, Крым, Херсонес, Велико-Моравское княжество, черноризец Храбр – ах какое доблестное имя! И улыбающаяся, увлечённая темой Аделаида Константиновна. Много-много времени спустя, её уже почти 10 лет не было среди нас, мне случайно всплыл в Интернете отзыв кого-то из бывших её студентов: „Аделаида Константиновна знала старославянский как родной язык”.

К студенческой науке привлекла меня тоже А. К. Смольская, поручив сделать доклад по топонимике на заседании ономастического

кружка под её руководством. Уже на следующих курсах по поручению Ю. А. Карпенко были студенческие командировки в сёла Одесской области – Черногорку, Славяносербку, Сербь, где на месте мы отыскивали хоть какие-то крохи сведений о сербах-граничарах, основавших эти некогда военизированные поселения. Такие следы нашлись в сохранившихся родовых фамилиях, в отголосках местных преданий. Потом отдельный оттиск его статьи, написанной в соавторстве с А. К. Смольской, где была и ссылка на нашу студенческую помощь в собирании материала, Юрий Александрович подарил каждому из нас с памятной надписью. Это на всю жизнь стало уроком научной корректности.

Юрия Александровича я знал, конечно же, с первого курса и даже завидовал студентам-украинистам, у которых он читал лекции и от которых звучали самые восторженные отзывы о нём. К сожалению, на русском отделении Юрий Александрович тогда лекций не читал. Поэтому естественно сложилось так, что мой научно-студенческий рост планировался под руководством А. К. Смольской. В её группе на втором курсе были получены основы знаний сербского языка, она же организовала для меня редкую по тем временам для университета командировку в летнюю школу сербохорватского языка в Югославии, с ней уже потом обсуждалась возможная тема будущих исследований – она виделась на материале немецких лексических заимствований в сербском языке.

Но сложилось так, что меня взял под своё руководство Юрий Александрович. Для начала это был научный студенческий доклад по топонимии Одесской области на одной из студенческих конференций в Московском филиале Географического общества СССР (первая публикация!). Затем были и другие такие же конференции. Больше всего запомнилась конференция в 1978 г. в Екатеринбурге (тогда это был Свердловск). Кульминацией стала встреча с большим научным и личным другом Ю. А. Карпенко проф. А. К. Матвеевым. Александр Константинович, которого мы успели особенно полюбить за дни конференции и уже знали, что в близком окружении его зовут АКМ, специально собрал нас, гостей из других городов республик огромной страны СССР, подробно расспрашивал о наших научных руководителях, просил передавать приветствия. Тогда он прочитал нам лекцию о том, что такое филологическая наука, какой самоотдачи и какого непрерывного труда требует она от настоящего учёного. Если искать метафору для оценки

этого события в моей жизни, то его можно сравнить с совершением хаджа в научную Мекку.

Тема моих научных исследований по славянской теонимии предопределилась встречей Ю. А. Карпенко с Н. И. Толстым, будущим академиком, основателем и главой Московской этнолингвистической школы, на одной из конференций. „Никита Ильич Толстой сказал, что завершает все свои проекты и переходит к изучению славянского язычества. Это самое захватывающее на сегодня направление в славистике”, – поделился мнением тогда после возвращения Юрий Александрович. А мне сказал: „Вот была такая славянская богиня Мокошь. Посмотрите „Славянские древности” Любора Нидерле, там он пишет о ней”. Это был первый шаг в теме, ставшей главной на всю мою будущую научную жизнь и заполнявшей одну из матриц в парадигме Одесской ономастической школы.

А ещё тогда была командировка в Москву, встреча с самим Н. И. Толстым, посещение его лекции в МГУ (жаль, что всего лишь одной!), визит к нему домой по его приглашению. Как сейчас помнится его отечески добрый взгляд на меня, уловленный уголком глаза, когда я нащёлкнувал фотоаппаратом одну из его статей, только что вышедшую из печати. С тех пор навсегда осталось осознание духовной причастности к Московской этнолингвистической школе.

Не могу не вспомнить, что когда обсуждался вопрос о стационарной аспирантуре (а на это вожделенное в те годы были и другие претенденты), Юрий Александрович встал перед учёным советом филологического факультета и сказал: „Если студенту Зубову не дадут аспирантуру сейчас, я уйду с заведования кафедрой. Эта аспирантура значит, что на факультете будет когда-то профессор Зубов”. Такой шаг, о котором я уже вспоминал в статье о Ю. А. Карпенко ещё при его жизни, получил тогда очень большой резонанс. До меня, чем дольше живу, тем больше и больше доходит осознание величия этого мужественного и самоотверженного поступка. Так работали наши учителя с нами. Низкий им поклон и вечная благодарность!

В том же 1978 году после скоропостижной смерти Н. В. Павлюка, когда кафедра русского языка осталась без руководства, Ю. А. Карпенко переходит сюда на заведование, переводя и меня в аспирантуру при этой же кафедре. А кафедрой общего и славянского языкознания с 1979 г. стал заведовать переехавший из Кишинёва проф. Ф. П. Сергеев, русист, занимавшийся историей ди-

пломатической лексики русского языка. Ему, кстати, кафедра обязана идеей организовать болгаристику.

Участие А. К. Смольской в качестве оппонента в защите моей кандидатской диссертации в мае 1982 г. стало завершением связи с кафедрой общего и славянского языкознания того периода. Возвратиться сюда пришлось только через 12 лет доцентом кафедры, а практически сразу же после этого я стал её заведующим. В какую-то из первых недель заведования состоялся долгий разговор с проф. А. К. Смольской о судьбе кафедры, её проблемах и перспективах. Попрощались мы в тот день научными союзниками. В определённом смысле с того разговора начался новый этап в жизни кафедры.

Надо сказать, что рядом с Аделаидой Константиновной, ученическую робость перед которой я так никогда и не преодолел, было не просто. Она была генератором идей. А при этом в работе выявляла максималистскую требовательность, не мирилась с ленью, неисполнительностью. Кстати сказать, особенно высокую планку держала А. К. Смольская в моральных аспектах научной и преподавательской работы. При малейшем проявлении недобросовестности со стороны кого-либо из своих учеников Аделаида Константиновна бескомпромиссно и открыто резко отказывалась сотрудничать с ним. Надо сказать, что столь же требовательным к научной добросовестности был и Юрий Александрович.

Если же сравнивать Ю. А. Карпенко и А. К. Смольскую в целом, то первый был в научной жизни фигурой самодостаточно-равновесной. Я как-то назвал его гуманитарным Солярисом и потом не раз повторял эту мысль. Он знал всё. Он был сам школой, и на любой из языковедческих кафедр филологического факультета (а он руководил поочерёдно всеми тремя такими кафедрами) и даже на многих кафедрах факультета РГФ уже были его ученики. Его влияние на нас можно сравнить с гравитацией: она везде – и без видимого источника. Поэтому в известном смысле для себя самого (а для нас тем более!) важнее был он сам, а не его кафедральное место.

Для А. К. Смольской нужны были совершенно другие условия научного обитания – в центре она, а вокруг её подопечные: „А! Что говорила Аделаида Константиновна!“ – любила сказать она с улыбкой при подходящем случае. Таким естественным центром была кафедра. Свою кафедру, которой были отданы 40 лет из 45 лет на факультете и из 50 лет её научно-педагогической деятельности вообще, Аделаида

Константиновна любила превыше всего. Любила беззаветно. Кафедра была её жизнь, её оплот. Не одному студенческому поколению помнятся организуемые А. К. Смольской вечера в честь Дня славянской письменности. К этому событию собиралась посильная складчина, накрывались столики, ставился сок, минералка, подавались чай, кофе, печенье, готовился концерт. Если была удача и в городе в этот момент оказывались туристы из славянских стран – такие туристы оказывались и на факультете, благо гиды Международного бюро молодёжного туризма „Спутник” сплошь были выпускниками филфака, в том числе учениками Аделаиды Константиновны.

Самой большой любовью А. К. Смольской был сербский язык, Сербия и сербокроатисты и слависты вообще. О ленинградских, московских, львовских, киевских, югославских коллегах она вспоминала часто, по любому удобному поводу. Эти коллеги, частью известные нам по учебникам или по научным публикациям, а большей частью мы слышали о них впервые, представляли живыми людьми, представляли в их характерах, эпизодами встреч, научных связей и взаимоотношений: С. М. Кульбакин, К. К. Трофимович, В. П. Гудков, А. С. Новикова, Злата Бойович, Драгана Мршевич, Лиляна Суботич и многие другие... Она относилась к ним, и живым и уже ушедшим, трепетно. Иногда казалось, что Аделаида Константиновна у нас – прикомандированный научный полпред кафедры славистики МГУ им. М. В. Ломоносова, или Ленинграда, или Белграда...

После Юрия Александровича Аделаида Константиновна стала подлинным мотором научной жизни кафедры. Она организовала кафедральный научный сборник. Его базой стала регулярная Международная Кирилло-Мефодиевская конференция, идейным вдохновителем которой и главным организатором тоже была А. К. Смольская. При этом она по-прежнему всегда умело украшала научные встречи: они проводились то на базе болгарского консульства, то в центре болгарской культуры, то в центре греческой культуры, то в Одесском литературном музее, на них приглашались интересные и знаковые люди – богословы, политики, дипломаты, артисты. Это всегда был праздник. Через наши очень скоро ставшие знаменитыми в Украине и заметными за рубежом конференции и через публикации в сборнике прошли многие будущие доктора наук и большие десятки будущих кандидатов наук. Для меня реальный курс на докторскую диссертацию был взят именно благодаря этим конференциям при по-

стоянном ободрении со стороны Юрия Александровича, Аделаиды Константиновны и ещё одного знакового для факультета учёного – зав. кафедрой русского языка профессора не только по должности, но и по большим научным и человеческим достоинствам Д. С. Ищенко.

Состав кафедры тем временем постепенно менялся. В какой-то момент ушла, к большому общему сожалению, на пенсию Н. Г. Рядченко, посвятив себя приведению в порядок творческого архива умершего мужа. С большим огорчением расставался я с доц. В. М. Терзи, очень хорошим дипломированным филологом-болгаристом (Ленинградский университет) и кандидатом наук тоже в области болгарского языка. От кафедры отпочковалась во главе с проф. В. А. Колесник секция болгаристики, трансформировавшись в кафедру болгарской филологии. К слову сказать, в научной проблематике проф. В. А. Колесник и её научного окружения своеобразно реализовались замыслы первого декана историко-филологического факультете Новороссийского Императорского университета В. И. Григоровича об изучении болгарских переселенческих говоров Херсонской губернии. Это ли не блестящий пример неодолимой преемственной инерции в науке!

А. К. Смольская, единственная из оставшихся до конца жизни на кафедре членов первого призыва, в последний раз пришла на работу в один из майских дней 2004 г. Не стало её 10 июня 2004 г. А ещё через 5 лет 12 октября 2009 г. не стало и Ю. А. Карпенко. Закончился более чем сорокалетний срок его прижизненного духовного присутствия на созданной им кафедре общего и славянского языкознания.

В заключение хотелось бы коснуться одной особенности модуса существования Одесской ономастической школы. Как известно, научная школа требует трёх основополагающих элементов – глава школы с ярким комплексом научных идей, его ученики и последователи, организационная платформа (в общем случае – кафедра). Из родственных для меня по ощущениям и реальным научным связям назову примеры Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстого, Екатеринбургской ономастической школы А. К. Матвеева, Донецкой ономастической школы Е. С. Отина, Люблинской этнолингвистической школы Е. Бартминского.

Такой школой была Одесская ономастическая школа Ю. А. Карпенко в период до его ухода с заведования кафедрой общего и славянского языкознания. Далее школа продолжилась под его же лидерством на кафедре русского языка и кафедре украинского языка.

А с уходом из жизни Юрия Александровича центр школы, оставшейся жить в нас, его учениках, разнесённых и рассредоточенных по разным кафедрам, факультетам, вузам Украины, переместился на факультет РГФ ОНУ им. И. И. Мечникова, где научное дело отца организационно и идейно продолжает его дочь проф. Е. Ю. Карпенко.

Второй научной линией кафедры общего и славянского языкознания естественно оказалась славистика, столь достойно возглавленная проф. А. К. Смольской и ставшая доминирующей после ономастики. Но сегодня с учётом рамок и регламента наших научных чтений обратиться к анализу этого направления нет возможности. Кстати говоря, в этом году исполнилось 10 лет, как с нами нет проф. А. К. Смольской. У кафедры ещё есть возможность организовать по этому поводу научную встречу в декабре к очередной годовщине со дня рождения Аделаиды Константиновны. Я с удовольствием принял бы участие в такой встрече – мне с моим опытом есть что сказать о кафедральной славистике.

М. І. Зубов

ЮРІЙ ОЛЕКСАНДРОВИЧ КАРПЕНКО ТА ЙОГО КАФЕДРА ЗАГАЛЬНОГО І СЛОВ'ЯНСЬКОГО МОВОЗНАВСТВА

Стаття присвячена деяким аспектам історії кафедри загального і слов'янського мовознавства ОНУ імені І. І. Мечникова. Представлений короткий нарис із науково-педагогічного життя її засновника і керівника члена-кореспондента НАН України, проф. Ю. О. Карпенка та його соратників і співробітників.

Ключові слова: кафедра загального і слов'янського мовознавства, ОНУ імені І. І. Мечникова, Одеська ономастична школа, славистика, історія мовознавства.

N. I. Zubov,
Doctor of Philology,
Professor of Department of Theory and Practice of Translation
Odesa National University named after I. I. Mechnikov,
24 / 26, Frantsuzky Blvd. Odesa, 65058, Ukraine,
zubov_nik@te.net.ua

**YURIY ALEKSANDROVICH KARPENKO
AND HIS DEPARTMENT
OF GENERAL AND SLAVIC LINGUISTICS**

Summary

This article is devoted to some aspects of history of Department of the General and Slavic Linguistics of Odessa I. I. Mechnikov National University. The short sketch from scientific and pedagogical life of her founder and the head of the corresponding member of the National Academie of Sciences of Ukraine, Prof. Yu. A. Karpenko and his colleagues and employees is presented.

Key words: Department of the General and Slavic Linguistics, Odessa I. I. Mechnikov National University, Onomastic School of Odessa, Slavic studies, linguistics history.

Надійшла в редакцію 2.09.2014 р.

